

Подъемник медленно спускается к подножью недлинной лестницы к нам на пляж. Вот блеснуло кресло, кожаные ботинки, яркий комбинезон и наконец, выплывает миловидное женское лицо. «Оксана! Иди купаться!» – машем с берега. Женщина с улыбкой поднимает руку.

«Иди» – это, конечно, образно. Оксана в кресле-коляске. Она без проблем раскатывает по набережной в Геленджике, а по территории нашего профилактория «Эдельвейс» может даже пройти несколько шагов своими ногами.

Она бы с удовольствием прошла и по набережной. Но вид девушки, шагающей на колесиках, ужасает отдыхающую на побережье публику. Их взоры сразу втыкаются в камни на мостовой.

Пружина

В профилактории «Эдельвейс» Всероссийского общества инвалидов, в месте самого красивого отдыха Нижегородской областной организации имени Александра Невского, таких, как Оксана, немало.

И все-таки она такая одна. Между собой мы зовем ее пружинкой. Оптимистичная, веселая, уверенная в собственной значимости. Принимает себя такой, какая есть. Не борется со своим телом, а просто живет. Брызжет во все стороны полным ковшиком света. Вокруг нее даже воздух вкусный. И как только она вливается в общую компанию, мы перестаем смущенно отводить глаза от ее рук и ног в нелепых тупорылых ботинках, напоминающих гигантские младенческие пинетки.

Заражаемся искрящимся жизнелюбием, до позднего вечера хохочем и дурачимся. Даже спать жалко.

И с удовольствием смотрим на Оксану – то бесхитростную кокетку, то беспощадного и даже бесцеремонного борца за справедливость. И всё-таки – человека с инвалидностью.

Вниз к морскому берегу Оксану привозит лифт – небольшая открытая площадка с электрическим управлением. Только в воду до конца первой недели, что мы в «Эдельвейсе», наша Оксана не вошла ни разу. Но она не хочет в кресло. Улыбается:

– Это не для меня!

Она весь день улыбается. В обеденном зале, на посиделках у фонтана, во время общей беседы.

Улыбается даже, когда оглядывает свое грузное тело и руки в специальных перчатках. Когда смотрит на ноги в квадратной обуви, где колени упираются в подол, а вывернутые назад лодыжки и ступни ложатся на заднюю часть стельки.

– Воды боишься? – пытаюсь догадаться я.

– Нет. Я выросла в Петропавловске-Камчатском, наш детдом стоял на берегу, хотя нас и не пускали близко к берегу.

О себе Оксана рассказывает скупно и неохотно. Но многочасовое общение нет-нет да приоткрывает завесу над необычной судьбой.

В детском доме-интернате для умственно отсталых детей Оксана оказалась сразу после Дома малютки. Мама не хотела никого из родившихся малышек и делала все, чтобы они не остались на этом свете.

Младенец с конечностями

задом наперед, ее вторая дочка Оксана, вопреки всему пустила корешочки и зацепилась за жизнь.

Слушаю и не могу смириться с мыслью, что девочка нечестно попала к интеллектуально несохранным ровесникам. Внимательная, с грамотной речью, четко контролирующая себя, она производит впечатление вполне осознанного человека.

Но за дни знакомства я уже полистала законодательные акты. Сирот с инвалидностью в обычных детдома действительно не берут. Чаще всего после Дома малютки они попадают именно в детские интернаты для умственно отсталых.

Детский интернат оставил у Оксаны разные воспоминания. В тот же год с ней случилось чудо. Она, умеющая только ползать, однажды осталась одна в большом физкультурном зале без инвалидной коляски. Чтобы выбраться в коридор, нужно было спуститься по ступеням вниз головой.

Маленькая мужественная девочка сказала себе:

– Раз, два, три!

И... поднялся на ноги. Впервые в своей жизни.

– А в восемнадцать меня перевели под Оренбург в дурдом, – говорит Оксана. Говорит просто и спокойно.

– Зачем ты так о родном месте? – протестую я по наивности, пытаюсь ее образумить.

– Вы не представляете, как издеваются в психоневрологическом интернате над постояльцами, – по-своему понимает меня Оксана.

– Подожди, я пытаюсь понять, почему тебя не направили в нормальное социальное учреждение. У тебя же нет ментальных нарушений. Твой диагноз «косолапость» – вовсе не тяжелая инвалидность, это всего лишь вторая группа! Ты сама себя обслуживаешь.

– А никто особо и не разбирался с моим диагнозом. Собирали группу детдомовцев и посадили на самолет в Москву. Вот и вся логика, уготовившая мне ближайшие тринадцать лет жизни.

Ровесница моей дочери Оксана смотрит с открытой улыбкой. И чудится, что мы с ней поменялись возрастом. Сколько же нужно испытаний женской судьбе, чтобы так говорить о пережитом, никого не требуя к ответу!

Да, по правилам тех лет, путь ребенка - сироты с тяжелой

инвалидностью и ментальными нарушениями после интерната для умственно отсталых детей обычно – в психоневрологический интернат. Но если бы комиссия признала сохранный интеллект девочки, то ей бы дали статус дееспособной. Она могла претендовать на жилье от государства и с восемнадцати лет жить самостоятельно!

Перевод из детского дома во взрослый интернат для юного человека – это трагедия. Даже для здорового. Если в детском доме Оксаны на каждых 10 воспитанников приходилось 15 сотрудников, то в психоневроинтернате – всего 5. В России в таких

найти нужную функцию. Девочка Оксана попросила посмотреть. И всем на удивление быстро справилась с проблемой. С тех пор загорелась мечтой иметь такой же телефон. Начала копить деньги.

Три четверти пенсии постояльцы интернатов отдают за свое содержание. Остальное получают на руки. Кто-то покупает конфеты и колбасу, кто-то курит. Оксана каждую копейку откладывала сначала на телефон, потом на нетбук.

Сотрудникам психоневрологического интерната такая помощница была даже на руку. Хотя иногда шептали на ушко:

детдомах к началу третьего десятилетия XXI века живут примерно 20 тысяч ребят. Каждый год около тысячи из них достигают совершеннолетия.

А во взрослых психоневрологических интернатах – 150 тысяч постояльцев. Почти треть из них – те, кого перевели из детских домов.

Оксану и ее ровесников перевели в новые для них нестерпимые условия только потому, что им исполнилось восемнадцать, и они вдруг почему-то стали называться взрослыми. Но большинство из этих ребят не становятся взрослыми в обычном смысле этого слова в силу психофизических нарушений!

Осознавала ли Оксана, что попала не в тот круг общения? Если и осознавала, то тешила себя мыслью – она все-таки особенная. В детдоме только она осмеливалась выступить против грубого учителя. Во взрослом интернате работала нянечкой-волонтером.

Ей нравилось, что ее слушаются. Все боялись поворачиваться спиной друг к другу, а она могла делать это без опасений. Придумывала маленькие хитрости. Не жалела пенсии по инвалидности, чтобы утихомирить строптивых. Мужчины соглашались мыть за нее полы – из тех, кто курил. У Оксаны всегда были для курящих сигареты, она покупала их, как получала пенсию.

И еще у неё появился интернет. Однажды в детдоме сотрудница в сердцах начала ругать кнопочный телефон в своих руках, в котором никак не могла

– Почему ты здесь, в этом аду? Просись в дом престарелых.

Сначала юная Оксана смущалась. Потом возмущалась: престарелых? В конце концов, внутренне согласилась. Ну и у пусть новый дом называется «для престарелых». Она будет жить долго и счастливо.

И вот нашелся человек, который добился перемен. Это была новый директор интерната. Она решила разобраться в ситуации и убедилась, что в личном деле девушки нет решения медицинской комиссии с рекомендацией психоневрологического режима.

После очередной комиссии, которую постояльцы интернатов проходят раз в пятилетку, Оксану перевели в Дом престарелых.

– Оксана, а маму ты искала?

– решаю спросить я.

– В детдоме все искали. Посылали запросы в адресный стол. Но мне в адресном столе ответили: на Камчатке таких не рождалось и не проживает. К тому же у меня изменили одну букву в фамилии при оформлении паспорта: в свидетельстве о рождении Краморенко, а в паспорте Крамаренко. Я просила исправить, а мне ответили: проживешь и так.

Потом в интернате кто-то подсказал Оксане: родители скорее всего из другого места, найти их нереально. Так и оказалось. Но это она уже узнала, когда стала переписываться с передачей «Жди меня». Писала и звонила туда много лет.

И наконец, ей ответили:

мама нашлась. Но видеть дочь не хочет. Есть родной младший брат, тетки и двоюродные сестры. Если Оксана не против, ей дадут их координаты.

С родным братом она поговорила только раз, очень обидно. А с двоюродными немного общается.

А вот в Доме престарелых среди нескольких сот постояльцев девушка встретила настоящую подругу. Сейчас она зовет Светлану сестрой. Подруга взрослее на несколько лет. Старожил Дома престарелых, Светлана, чисто по-женски скучала о ком-то, кто нуждается в заботе и с удовольствием взяла шефство над новенькой. И сегодня уже не разобрать, кто из них отдает другому больше душевного тепла. Светлана – няня и хозяйка, сама размеренность. Или Оксана – мозг и креатив, настоящая пружинка.

Три года назад эта пара, знающая между собой уже два десятка лет, решила на крутые перемены. Они написали директору Дома престарелых заявление с просьбой отпустить их «на волю».

Сейчас Оксана и Светлана снимают за шесть тысяч рублей крошечную однокомнатную квартиру. Живут на две пенсии по инвалидности. У Оксаны – 20 тысяч рублей, у Светланы – 10 тысяч. Стоят в очереди на жилье в маленьком городке во второй сотне по списку.

– Чем мы занимаемся на воле? – переспрашивает Оксана. – Осваиваем в своей организации общества инвалидов уникальные техники рукоделия, играем в скандинавские настольные игры, участвуем в забегах на колясках. Дипломами и почетными грамотами завешаны все стены.

Притихший пляж, не отрывая глаз, следит, как необычная молодая женщина опускается из коляски на каменный пол пирса. Делает несколько шагов к белому пластиковому креслу. Медлит доли секунды и поворачивается к нему спиной. Она по-прежнему не хочет в инвалидное кресло. Ступень лестницы в воду. Еще ступень...

Над пляжем, как в том физкультурном зале, раздастся ее звонкое:

– Раз, два, три!

Как в том физкультурном зале.

И соленая гладь бухты принимает ее тело как мощную распрямившуюся выстрелом пружину.

Так и задумано природой. Все произрастает спиралью. Лист вывинчивается из почки. Трава вкручивается в асфальт и пробивает себе дорогу. Во Вселенной развертываются галактики.

Я открываю в ворде белый лист для рассказа об Оксане Крамаренко и думаю, что это только кажется, будто мы планируем жизнь и ставим цели. Но у жизни уже есть планы на каждого. И в угаре созданной своими руками суеты и гонки мы не видим настоящих возможностей. А кто-то мудрый считывает наши планы и посылает помощников. Университеты не дают столько, сколько встречи с этими помощниками – людьми с судьбами, выбивающими нас из колеи. За что нам это? Видимо, за что-то. Благодаря таким встречам мир осознает реальные ценности.

Лариса АНДРЕЮШИНА